

Все поэты и писатели когда-то были начинающими. В этой рубрике мы знакомим вас с теми, кому ещё предстоит сказать главное слово, кто только ищет свой путь в литературе, свой почерк.

В двадцать восьмой раз прошёл в этом году фестиваль-конкурс детского и юношеского литературного творчества «Устами детей говорит мир», который сейчас имеет статус международного. Когда-то, в конце девяностых годов прошлого века, Томская областная организация придумала и впервые провела этот конкурс, и по сей день томские писатели составляют его ядро, ведут большую работу с детьми, участвующими в фестивале, работают в жюри наряду с именитыми гостями, столичными писателями.

Первые конкурсанты уже давно выросли, кто-то из них сам стал поэтом или писателем. Предлагаем вам сегодня познакомиться с работами некоторых призёров этого творческого фестиваля, проходившего в Томске с 26 по 28 октября. В нём приняли участие в этом году 411 юных дарований, больше сорока отмечены дипломами призёров.

Егор ЕВСЮКОВ

ПОЛЫНЬ

*Веяло горькой гарью
Ветхих еловых веток;
Пахло медовой влагой
Юной лесной листвы –
Снилась мне жизнь другая,
Может быть, лучше этой...
В комнате душно. Лягу
Снова. И снова – сны.*

«Дед мой колдун, он с бабкой в лесу живёт», – я в детстве далёком, дремучем, как самый тот лес, лепетал. Или что-то во мне лепетало. Детское, древнее-древнее.

Везде, где река отступила, тёмные стволы встали – черёмуха, водное дерево. Непролазными дикими чащами окаймила она берега – да с берёзой на пару. В щедрой тени их – лопух и крапива, вьюнок и осот: концы огородов, где буйно цветёт всякий сор. И где-то среди сора земли, на самом краю, у реки – покосившийся, хлипенький домик моих стариков. Куда бы ни шёл, ненароком туда я иду, заколдованный будто.

Серые доски забора, сырые, гнилые, замшелые. Все перемотаны леской и ветхим тряпьем. Сети, крючки, поплавки и мормышки – разноцветной гирляндой висят и качаются на ветру... Пахнет червями... Землёй!.. К дому пы-

таюсь пройти – калитки нигде не видать. Путаюсь в леске, режусь, лезу через забор. Рву её, рвусь – а не рвётся. Но сон обрывается здесь...

Утро. Удушливый воздух квартиры. Сухо во рту. Солоно на губах. Словно после тяжёлой и долгой болезни, встану, шатаюсь. Спросонок сшибу прикроватную тумбу. Как бусы, как мелочь – таблетки, лекарства посыплются. Кружится кружка, чуть не разбита, – кружится голова – и растекается медленно кофе, густой-прегустой. Листы-распечатки, рецепты и справки вязнут в чернеющей луже – тонут, чернея, листы... Едва ковыляя, к окну подойду босыми и липкими пятками. Сам пропотевший, стёкла протру – все в поту и разводах. А за окном – тишина. Белая-белая. Как молоко... Росистая, влажная. Манит, зовёт. И гудит, и гудит, и гудит... А я серый и мятый, как гноем пропитанный бинт. Всё брошу, уйду, растворюсь в тишине туманного утра.

Чёрный асфальт заскорюз как сукровица, но после ночного дождя подрамок и разбух. Так и охота содрать эту мёртвую корку – обнажить, разневолить живую плоть почвы. Припасть к ней, впиться сухими губами. Пинаю, толкаю, стираю подошвы – нет силы в ногах, не хватает напора. Асфальт недвижим... Но гул нарастает, всё ясней, всё отчётливей эхом гремит. Только им и ведомый, двигаюсь прочь. Захожу в перелесок.

Тропинка змеится, шурша чешуёю, и вся – полусгнившими листьями выстлана. О чём-то своём, по-змеиному мудро они шелестят под ногами. А я, сам в себе, всё молчу. Я не ведаю их языка, разделённого надвое: там, на ветках, что ветром колышима, шелестит еле слышно листва, ещё не опавшая, юная. Шелестит... Шелестя, говорит! Тихо, тихо так – шёпот живых с полушёпотом мёртвых сливается. И вновь – воедино. И, сам безголосый, я слушаю хор голов, первобытное вещее слово. «У-у-у» – поезд протянет вдали...

Вдруг – резкий порыв ветровой. Взметнётся дорожная пыль, вскружится подножная опаль, и прелью осенней повеет. И листва – живая листва, всегда по-весеннему вечная – падает, сорвана ветром. И мутно в глазах от пыли. Мнится, должно быть, мерещится... Здесь, впотьмах моей памяти – в сумерках леса – дед вырастает...

Нос ястребиный, клювом-крючком заострённый. Скулы, что сколы на пне, пережившем удар топора. Впалые щёки во мху бакенбардном. Лоб заморщенный, будто бы наст земляной, осенью поздней промёрзший. Руки, а руки! Длинные, тонкие. Пальцы, что цепкие когти, когти костляво-птичьи. Что корни сухие, жадные до воды. Глаза, а глаза! Змеиные, зоркие-зоркие! Жадные до деталей, любой неприметной мелочи: крошки ли хлебные, что под клеёнку настольную вдруг позабились; рубль ли где проржавелый, оставленный в сдачу за хлеб – дед всё рукою сметёт. Прокряхтит, полусогнутый, всё соберёт – и в карман, и в карман, и в карман. Что там, в кармане, ещё? Сказки-рассказки. Фокусы-чудеса.

Весь пропахший костром, сыростью леса и речки, дед возвратится с рыбалки. Пальцы в грязи, в чешуе... Ими так ловко снасти распутает – и на забор: просушить. Сядет на лавочку, трубку махоркой набьёт. Прошуршав по карманам, достанет, найдёт спичечный коробок. Стенки картонные мятые, в потных ладонях размокшие. Тёрка исчерчена, вся в бороздах и полосках. Краешек крышки с красною фосфорной нагарью.

Закурит. Дым коромыслом – и вьётся, и кружится, кольцами оплетая дедовы баки и бороду, седую, густую, как дым. И будто бы самые дедовы волосы – белые-белые! – вьются, вздымаются, с воздухом дымным срастаются. «Ну, напущал!» – бабушка выйдет, с крыльца поворчит и сама уплывёт, будто бы облако в белой ночнушке, обратно домой. И дед поворчит ей в ответ, кашляя и бормоча. И облако дыма растает следом за ней. А я опьянён, одурманен магией этого дыма, этим бормочущим кашлем – будто бы дед говорит с кем-то ещё, в этом дыму потаённым. «Ну-ка, – в кашель, – Видал коробок?» Глазами еложу туда и сюда, как улитка рогами, – здесь же он был... Дед, хоть и стар, но быстрее меня: «Вот он! А вот он!» – и тянет ко мне жилистый сжатый кулак. И дует – и дым, заструившись, как тонкий змеиный язык, срывается с губ его. «Сейчас оживёт, ты смотри-ка, смотри...». И вдруг – оживает! Дед похихикивает, хитро так щурит глаза, что они в толще век утопают, как два поплавка на воде – прячет дед зоркость и мудрость: «Вот я тебя и поймал!». А коробочек жужжит! И трещит, и трещит, и трещит! И шевелится, чуть задевая бугристую кожу ладони...

...Вдруг шмель пролетел – и воздух, прорезанный им, у самого уха дрожит. И в ухе звенит – и волоса у виска, вторя вибрато крылатому, вздыбились и дрожат. Вздрогну и сам: отрезвлюсь – и виденье развеется. Дед коробки поменял... И шмеля в тот, подменный, загнал... Всё в дыму, им окутано, вязким, тягучим, густым – и не видно подмены. Туман...

Раннее утро. В сених так прохладно, но спать так легко. Стёкла вспотели, и сонная муха, проснувшись, бьётся о влажную гладь. А туман за окном – непроглядный, густой. За стеною, на кухне, чайник на печке свистит. Шоркают тапочки, щёлкают выключатели. Ложка звенит, металлически бьётся о грани эмалированной чашки. И молоко! Всюду запах молочный, целебный, парной.

«Ба, а где деда?» – «Уехал за солнцем». Вот разговор весь. Вдруг – что-то звенит, но не ложка, и катится, катится, катится. Всё ближе и ближе. Шины шуршат по дорожке лесистой – дедов велосипед, два солнечных колеса! Всхлипнет калитка. Охи, кряхтенье и кашель. И половицы присенные вздрогнут от стука сапог. Дверь заскрипит, отворится – вырастет дед на пороге. Тощий, сутулый, в безмерной робе, в больших мешковатых штанах, одни только руки торчат, как палки у пугала. «Ну-ка – и, «у» протянув, ко мне ковыляет, прячет за пазуху куль. – Ну-ка, сынок, сосчитай до пяти, глазки закрой». Я закрываю глазёнки, в мягкую, потную темноту ладоней их погружаю. Пряники, круглые, пышные, с запахом мёда и праздника. Сладкие, солнце зовущие! «Скушай – и солнышко встанет. И молочка пригуби. Дед твой колдун ведь», – и подмигнёт, обнажив два клыка, два единственных зуба... А у меня они целые, и пряники липнут к зубам, и тают во рту – и сумрак встуманный тает:

*Истаяв под утро,
Встуманный сумрак
Устало на землю осел.
В безветрии тихом
Рассветные блики
Увязли в алмазной росе –
Огнём окаймлён окоём.*

...Снова гремят сапоги, всхлипывает калитка. Я протираю окно рукавом, в бликах заката вижу: дед улыбается, машет прощально рукой, с последним туманом уходит в низину за домом... И лес, позади его лес шелестит, и стонут, и гнутся деревья...

В низину, тропинка сползает в низину. Как заплутал, я и сам не заметил. Подошвами щупаю грунт: глинистый грунт, плывучий – река, где-то рядом река. Сгущаются первые сумерки.

*Они наступают, consumerки боговы:
Снова мы
Солнце закатное ловим глазами
С опухшими веками, с кругами бессонными.
Кажется, вовсе
Ночь не ложилась спать,
Как бесноватая, дыбилась, ёрзала
В мокрой постели росистых лугов –
И снова закат.*

* * *

Предосенние ночи темны, и длинные, и туманны. И полынь, сухостойная днём, в эти ночи сыра. И горчит самый воздух, прохладный и влажный. И встуманенный сумрак гудит. Всё гудит, и гудит, и гудит: где-то там, вдалеке, запоздалый отходит поезд... А вот я всё никак не могу отойти. От прогулок ночных. От кроссовок с налипшей травой, в придорожной грязи перемаранных. От тяжёлых шагов по путейному щебню. У моста, над рекой, так легко зато: прислушаюсь к гулу, сяду – на балку железобетонную.

Шелестит, пригибаясь к воде и качаясь, осока. И высокая в небе луна, отражённая там, в глубине, и – в зрачках моих, блещет. И слова шелестят – недосказанной шёпотной речью. И слова шелестят – шелухой обветренных губ...

...Этот гул, басовитое эхо! Этот отзвук, рифмующий жизнь! Он всё ближе – и это далёкое **ГДЕ-ТО**, и эта туманная ширь, уплотняясь, сгущается **ЗДЕСЬ!** Как роса, многоцветная россыпь... И во тьме, много-многоколёсный, проносится поезд, весь – просвист, просвет мимолётный, пояс вагонных огней! И гудит, и гудит всё сильнее! Августовское небо сквозит и – исходит росой многозвёздной! И глаза пересохшие – слёзной и живительной влаги полны! И полынь – всюду запах полыни...

Но отхлынет, отхлынет... В воздухе тихо так... – Вдох – и выдох. – Вдох – и выдох. – Вдох – ...

*...Задохнуться
Утренним паром рек
И дымом вечерних костров!
Наверное, это любовь –
Первобытная тяга к земле,
Из которой я вышел,
Которая плачет росой...
И воздух – стылый, густой.*

*Такой,
Что небо к земле
Всё ближе.*

Только в самой груди моей: всё гудит, и гудит, и гудит... Я люблю этот «И». Будто он обещает всему, что ни есть, продолжение: «И сказал Бог...И свет был, И тьма...». Предосенние ночи темны...

Ангелина БАН, 14 лет

Разговор о Томске

Я в поезде. Я из окна люблюсь –
Танцует лес большой зелёный танец.
В одно окно со мной смотрел китаец,
Спросил меня он, чуточку волнуясь:
– А что ещё растёт у вас в Сибири?
– Где я живу, в таёжном Томске – кедры,
Рябины, липы, клёны... Всё, наверно,
Растёт, что существует в этом мире.
– И пальмы есть у вас? И парк дубовый?
– Конечно! Томичи такие люди,
Умеют всё! Вам пальмы? Пальмы будут,
Вы знаете, у нас мороз дубовый.
Зелёная, не уже и не шире,
Есть пальма, есть! Недалеко от школы,
Из нарезных бутылок – по приколу,
Такая, трёхметровая, в Сибири...
У памятника Пушкину, как в сказке,
Дуб, молодой, зелёный и тенистый.
Я думаю, что лет пусть через тридцать
Дубы украсят город мой прекрасный.
И на Шишкова дуб растёт, неброско,
И на Иркутском, у моста, там тоже.
– И как? У вас бамбук растёт, быть может?
– У брата на столе... Но всё же в Томске!

Привыкла

Карандашом через мечты
Веду я линию косую,
По памяти тебя рисую,
Не думая, что это ты,
Как кадры творческого цикла.
Зачем? Наверное, привыкла.
Мне трудно ссоры принимать.

Писать не буду, как ни туго,
Не смейся! Оставайся другом!
Не надо ничего ломать.
Молчишь, а я уже поникла.
Зачем? Выходит, я привыкла,

А время отдаляет нас.
Я снова твой портрет рисую,
Дня через три я адресую:
«Привет! Что делаешь сейчас?».
«Привет!» И на лице улыбка...
Ага! Я всё-таки привыкла.

В детстве

С горячей буханкой хлеба
И с розовой шишкой на лбу
Смотрю на закатное небо.
Я своё детство люблю.

Я в детстве, а это значит –
Мне всё интересно вокруг.
Я в детстве. Хочу и дурачусь,
Солнце мне светит – мой друг.

«Пора становиться взрослой», –
Меня убеждает родня:
«А шишка откуда?» – вопросом
Так и пытаются меня.

Я радуюсь с солнцем вместе.
Иду я и счастлива тем,
Что вкус уходящего детства
В булке, которую ем.

Неважно, что скажут люди,
Пусть солнце осветит мой путь.
А завтра... а завтра что будет?
Я повзрослею... чуть-чуть.

Тучи

Накопили зарядов множество
Тучи тёмные, тучи серьёзные.
Шли по небу полками грозными,
Им тайга показалась ничтожеством.
Злобой тучи себя переполнили,

Киловольт почти сто – напряжение.
Потеряв к земле уважение,
Сквозь пробой бросили молнии.
Дождь на землю послали, свирепые.
Лес омыв, оглянулись, поняли:
Аплодируют им, довольные,
Все деревья зелёными ветками.
Солнце радугу в небе повесило –
Поослабились силы тёмные.
Стали тучи тихими, скромными,
И ушли... а в тайге стало весело.

Мы вместе

Серое небо без просини.
Короткие, но тягучие
Последние дни осени,
В них встреча с тобой – лучшее.
Всюду сверкающий чистый снег
И холод на всём белом свете.
Мы, за руки взявшись, к весне
Сквозь зиму пойдём. Мы вместе.

Сбылось!

Во дворе у нас веселье и смех,
Это солнце осчастливило всех:
И на ёлочке блестит мишура,
И на горке суетится детвора.
А под горкой засмутился Снеговик,
Наряжаться он пока не привык.
Вот и ты! И наконец-то сбылось,
Мне снежком в тебя попасть удалось.
А за нами Дед Мороз в облаках,
Улыбаясь, наблюдал свысока.

Ливень

Стук в окно. «Кто там?» – «Я – Ливень.
Эй, пойдёшь со мной гулять?
Я один, мне так тоскливо...
И тебя мне умолять?
Я пришёл, все разбежались,
Не гуляют под зонтом –
Ветер – вот какая жалость –
Всюду крутится винтом.
Погуляем? Выйди просто».

«Может, хватит слёзы лить?» –
Мой ответ, наверно, жёсток.
Слышу, кто-то начал выть.
«Прекратишь рыдать, я выйду!»
«Ладно», – стал потише дождь.
Я решила: Ливню стыдно.
Он шепнул: «Ты не пойдёшь...»
Выбегая, зонт хватаю.
«Эй, ты где, мой грустный друг?»
Ветер, сзади налетая,
Зонтик выхватил из рук.

Сорок сорок и Лето

Сорок сорок говорили о Лете,
Думали, как его правильно встретить.
– Ну, может, в кондитерской торт украдём,
Да с тортиком к Лету навстречу пойдём?
– Лучше блестящие бусы у дамы
Стащим тихонько и Лету подарим!
– Мы принесём золотые серёжки –
В парке нашли их, у края дорожки.
– Вот ещё! Лету подарки такие?
Давайте подарим часы дорогие!
Вот так протрещали сороки весь май,
И что же решили? Пойди угадай!
Но Лето пришло, как положено, в срок
И встретило спорящих сорок сорок.

Осенний бал

Осень. Час её настал,
Пригласила всех на бал.
Как принцесса, вся в рубинах
Здесь красавица рябина.
В треугольных платьях ёлки
Распушили все иголки.
Тополя, как великаны
В жёлтых расписных кафтанах.
Две прелестные кедрушки –
С детства лучшие подружки,
В платьях цвета «изумруд»,
Будто под руку идут.
В джинсах стройная сосна
В лёгкой курточке, одна
В стороне стоит зелёная,
В солнце яркое влюблённая.

Вот и гордый клён татарский,
Разодетый весь по-царски.
Здесь и ива серебристая
Машет веточкой пушистою.
И черёмуха багряная,
Будто девица румяная.
Заплели себе берёзы
Золотые кудри в косы.
Даже яблонька кораллы
Приготовила для бала.
А художник этот бал
Акварелью рисовал.

Айсель ПАШАЕВА, 12 лет

Совиная песня

Решила однажды спеть сова
Красивую песню про облака.
Сова сама сочиняла слова
И музыку тоже писала сама.
Но эту песню про облака
Ещё никто не слышал пока.
Совиной песни не слышал слова,
Ведь только ночами пела сова.

Осенний бал

В рубиновые серьги
Рябина нарядилась.
Осина в платье красном,
А липа – вся из золота.
Всё это краски осени,
Мне это не приснилось.
Осенний бал деревьев
Пред долгим зимним холодом.

Черёмуха

Черёмуха любимая,
Ты очень хороша.
Цвети, моя родимая,
Как девичья душа.
Люблю вдыхать я в мае
Твой нежный аромат,
Когда в саду гуляю,
Любуясь на закат.

Озёрные кувшинки

Озёрные кувшинки –
Русалочки цветы.
Вы сказочные феи
Небесной красоты.
Озёрные кувшинки –
Ну как же хороши!
Вы с жёлтой серединкой
Для радости души.

Прадедушка

С тобой мы знакомы по карточке старой.
И по рассказам мамы знакомы мы с тобой.
Сквозь время слышим голос твой усталый,
Такой далёкий, близкий и родной.
«Враги-фашисты изгнаны долой,
Живите, дети, всё теперь в порядке,
Не будет больше горя, войн и бед».
Мы отвечаем: «Спи спокойно, прадед».
Сегодня, в этот светлый майский праздник
Мы чтим бойцов давно минувших лет!

Как мы Гоголя читали

На уроках литературы мы познакомились с Николаем Васильевичем Гоголем и его произведением «Ночь перед Рождеством». Нам с сестрой эта история так понравилась, что захотелось прочитать ещё что-нибудь у этого писателя. Мама посоветовала взять повесть «Вий», но предупредила, что мы можем испугаться. Мы пообещали, что ни за что не испугаемся, и, когда остались одни дома, начали читать.

Мы так увлеклись, что не заметили, как стемнело.

– Надо включить свет, – сказала я.

– Я боюсь, включи сама, – ответила сестра.

Так мы ни до чего не договорились и продолжали разбирать буквы в полутьме. Дошли до момента, когда мёртвая панночка встала из гроба и пыталась найти студента-философа, который читал по ней молитвы.

Вдруг форточка резко открылась, и белая занавеска взлетела над нашими головами. От неожиданности я отбросила книгу и закричала: «Панночка пришла!». А сестра закричала ещё громче: «Панночка! Панночка!».

И тут кто-то начал стучать в дверь! Мы сидели, боясь пошевелиться, а в дверь стучали всё громче.

Держась за руки, мы пошли по тёмному коридору. Рука у сестры дрожала, и я тоже вся тряслась. Но когда я посмотрела в дверной глазок, то засмеялась от радости. Оказывается, пришли родители!

Мы поскорее открыли замок и наперебой стали рассказывать, как читали Гоголя. И родители смеялись вместе с нами.

После этого, когда кто-нибудь из нас вспоминает рассказ «Вий», мы начинаем хохотать, будто это самый смешной рассказ на свете. А Николай Васильевич Гоголь стал нашим любимым писателем.

Малика ПАШАЕВА, 12 лет

Сибирская осень

Сибирская осень
Короткая очень.
Светлеет в душе у людей.
Сибирская осень
Тепло нам приносит
На несколько радостных дней.

Не прячь ярких красок,
Устраивай праздник,
Царица лесов и полей!
Мы будем скучать по листопаду
В холоде зимних дней.

Когда я буду мамой

Когда я буду мамой,
Я буду доброй самой.
Я буду доченьку любить,
Подарки каждый день дарить,
И в садик косы заплетать,
И в куклы вместе с ней играть.
Всё-всё ей буду разрешать,
И книжку на ночь ей читать
Про то, как к сказочной принцессе
Приехал принц на мерседесе.

Жарки

Жарки я увидала
Однажды майским днём.
Полянка полыхала
Оранжевым огнём.
Мои любимые цветы,
Вы радуете глаз!
Как будто лучшие мечты
Исполнились вдруг враз.

Котёнок и апельсин

Сказка

Однажды хозяйка принесла апельсины и положила их на стол. Кот подумал, что это клубки пряжи, он запрыгнул на стол и разорвал целлофановый пакет лапкой. Апельсины раскатились по столу, а один упал на пол.

Кот прыгнул за ним и стал искать кончик нитки, чтобы размотать клубок. Искал-искал, но не нашёл. Тогда он стал играть с целым клубком, катал его по полу, тербил, царапал, ложился на спинку и вертел в воздухе. Это было очень весело.

Он так увлёкся, что не заметил, как вернулась хозяйка. Она отобрала апельсин и сказала: «Брысь. Это не твоё!».

Потом помыла апельсин, почистила, разломала на дольки и съела. А кот пошёл грустить на подоконник.

За окном висело круглое вечернее солнце. Оно было похоже на апельсин, который кто-то положил на крышу соседнего дома. Потом на половинку апельсина. Наконец от него осталась только одна долька. Но и она скоро исчезла.

Кот решил, что солнце кто-то съел, и испугался. Он подумал, что теперь всегда будет темно и холодно.

Но на другой день солнце сияло на небе как ни в чём не бывало. А на столе стояла ваза с апельсинами.

«Мур-мур», – замурлыкал кот от радости.

Он подумал, что очень правильно устроен мир, в котором никогда не кончаются солнце и апельсины.

Анастасия САМОЙЛОВА, 14 лет

* * *

А я смотрю на небеса,
Чтоб не заплакать.
Когда туманит глаза слеза,
И в сердце слякоть.

Я не пойму, холодно или тепло.
Отчего эта дрожь – непонятно.
Прошное дождём со стекла стекло.
И в зеркале только тёмные пятна.

Там нет меня. Как себя найти?
Когда-то светилась – была на свете.
Теперь сижу в социальной сети,
Как морская рыба в рыбацкой сети.

* * *

Здесь листопад и водопад
Играют в догоняшки.
Вдруг ветер дунул невпопад
И все листки – двойняшки
Рванулись, струйками смычков
Подхваченные косо,
С водой из чистых родничков
С высокого утёса.

* * *

Не бойся того, что казалось ужасным когда-то,
И, поднимаясь, на каждой ступени вставай в полный рост.
Нет счастья на свете без трудности и без преграды.
А оступившись, старайся запомнить урок.

А если вслед злобно посмотрит какой-то изгой,
И бросит тебе вдруг обидное, горькое слово.
Его пожалей, он обижен суровой судьбой.
И, может, враги превратятся в товарищей новых.

Старый дом

Разбитое окно,
В нём не хватает света.
С друзьями в этот дом
Я приезжала летом.
На берегу реки
Лужайка и дорога,
Ромашки, васильки.
Деревня и свобода.
Как быстро день за днём
Здесь время пролетело.
Когда-то был тут дом –
Он сделал своё дело.

Вика ТЕЛКОВА, 9 лет

Снег в мае

Что за чудо увидала
В мае я весной?
Снег на яблоньке улёгся,
Нежный весь такой.
Подошла поближе –
На что это похоже?

Цветочки распустились,
И листочки тоже.
Я спросила маму:
– Что за чудо света?
– Это цветы яблоч,
Тех, что будут летом.

КОТ и ТОК

У кота случился кот.
У кота случился кто?
У кота случился ток,
Сунул лапу он в розетку.
Напугал соседку Светку
И лежит, как бегемот.
А при чём тут бегемот?
Тут никто не разберёт.

В осеннем саду

Деревья оделись в чудесный наряд,
Гроздья рябины, как бусы, горят.
И, как драгоценные кружева,
Вокруг золотая листва.
Деревья нарядные видеть хотят
Очарованье во взглядах ребят.
А по дорожкам тихонько шуршат
Маленькие ножки ежат.

О чём пели птицы

Мама – моя Родина,
Прадед – мой герой.
Защищал он Родину,
Чтоб жили мы с тобой.
Чтоб солнышко светило,
И бабочки летали.
Все птицы нам об этом
Сегодня распевали.

Ноты До, Ми, Соль

Ноты из трезвучия До, Ми, Соль.
Песенку запела Соль-фасоль.
Ми такая милая!
От До до Ля –
Звонкие девчонки –
Все мои друзья.

Как я построила крепость для Сони

У бабушки есть две кошки: Соня Гладкая и Соня Лохматая.

Однажды Соня Гладкая запрыгнула на диван, стала тереться и точить когти.

– Брысь! – сказала бабушка, – и так вся обивка исцарапанная.

– Бьись! – повторила моя сестрёнка Кристина.

Кошка не послушалась. Тогда Кристина стала на неё плевать – она недавно научилась это делать.

Соня Гладкая обиделась и убежала под стул.

– Шшшшш! – зашипела она.

Кристина начала её передразнивать.

– Сссссс!

Соня лапой замахала: «Уйди, сейчас поцарапаю!».

– Сипутька! Сто ты на меня сипись?! Сетяс как дам кегей!

Я подбежала и отобрала у Кристины пластмассовую кеглю. А потом построила вокруг Сони крепость из кубиков, огородила её со всех сторон. Так я защитила Соню от Кристины, а Кристину от Сони.

Полина ТЕЛКОВА, 11 лет

Уренгой

На зоне лесотундры
Заложен Уренгой.
Всё украшает пудрой
Снег чистый, непростой.

Я здесь жила два года,
Здесь родилась сестрёнка.
Воспоминаний много
Для каждого ребёнка.

Мы мчались на оленях
На лёгких быстрых нартах.
И было всем не лень нам
Кататься с гор до марта.

Здесь не бояться вьюги,
Морозов не бояться.
Пусть мёрзнут нос и руки,
Снега вокруг искрятся!

Ивану Андреевичу Крылову

Спасибо Крылову за детство!
За мир поучительных строк.
За то, что добро побеждает,
И весел сегодня урок.

Я интересную книгу
Решила однажды открыть.
И оказалось, что басни
Не так уж сложно любить.

В том мире чудесных историй
Рак, лебедь воз тянут, и щука,
Не ведает музтеорий
Квартет. А лисица – хитрюга!

Спасибо Крылову за детство!
За мир поучительных строк.
За то, что добро побеждает,
И весел сегодня урок.

Осень

Сентябрь – первый месяц осени.
Скучать мне некогда с утра.
Цветы и ранцы в школу просятся –
Настала школьная пора.

Октябрь – он осенью второй.
Немного грустно мне порой.
Дожди всё чаще, стало холодней.
Умчится месяц в стае лебедей.

Ноябрь – последний месяц осени.
Всё стало белым-белым вдруг.
И пахнет елями вокруг,
И кажется – всё новогоднее.

Музыка

Музыка – это прекрасно.
Меня окрыляет страстно.
Один только музы вздох –
И каждый сумел, вдруг смог...

О музыка, ты – волшебство!
Музыка так велика!
Радости торжество.
Тянется к лире рука.
Она с тобой на века!

Танцор, композитор, певец –
Всё это музыки дети.
Каждый из них творец,
И лучшего нет на свете.

Музыку создал Бог,
Чтоб жизни текла река!
И вот он, приток,
И каждый, кто смог,
С музыкой – на века!

Морозные узоры

Единым взмахом кисти
Рисует пушистым инеем
Белые стебли и листья,
Делая окна красивее,

Славный художник Мороз!
Быстро, чудесно, легко
Рисует букет пышных роз,
Чтобы в холод стало тепло.

Розы белые на окне
Будут долго цвести зимой.
Они ещё вспомнятся мне
Жаркой летней порой.

Время плывёт

Сказка

Ёжик шёл по лесной опушке и восхищался:

– Ну что за чудеса! Осень – великая краса!

Он подходил всё ближе и ближе к речке, которая растянулась вдоль леса.

По дороге ему встретился Медвежонок – он собирал грибы и что-то бурчал себе под нос.

– Привет, Медвежонок! – сказал Ёжик. – Смотри, какими стали леса! Кора золотая, расписная, а листочки кружевные, яркие!

Медвежонок на секунду замер и перестал урчать. Он поднял глаза и сказал с грустной улыбкой:

– Ты о чем, Ёжик? Где золото? Где кружевные листья?

– Оглянись! Ты разве ничего не видишь?

– Нет, – сказал Медвежонок и снова начал урчать.

– Может, ты заболел? О чём ты урчишь?

– Я? Я ни о чём не урчу... Я ворчу.

– А почему?

– Да потому, что мне надо собрать грибов, и как можно больше, чтобы поест и уснуть. Разве можно уснуть на голодный желудок? А ведь собирать грибы не так уж и легко!

Ёжик сел на пенёк и спросил:

– Скажи, почему ты так долго спишь?

– Даже не знаю. Хочется... – сказал Медвежонок и сел на землю в глубокой задумчивости.

Вдруг Ёжик посмотрел на небеса, в которых качались верхушки деревьев, и застыл.

– А ты когда-нибудь слышал голоса деревьев? – спросил он.

– Какие ещё голоса? Шум один.

– А вдруг это шепчутся колдуны. Может, это они тебя заколдовали?

– Кто шепчет? Кто меня заколдовал?

– Колдуны. Я нашёл однажды книгу, ну очень большую книгу, и в ней рассказывалось о колдунах, которые кого угодно могут заколдовать!

Медвежонок рассмеялся.

– Ну! Ну ты и рассмешил! Ладно, я пошёл домой!

Медвежонок помахал лапой. Всё сильнее отдалялся его силуэт. Вокруг Ёжика остались только деревья, травы и грибы. Подул ветерок.

Ёжик дошёл до речки и пустил по воде кораблик, сделанный из коры и красного листочка.

– Время плывёт, – сказал Ёжик. – Пока, лето!

Сказал и ушёл.

Снегrrrr

Сказка

Снег кружился над лесной поляной и падал на землю, превращаясь в пушистый белоснежный ковёр.

– Что за чудо? – сказал Ёжик, глядя в окно из своего уютного лубяного домика. – Что за чудо-то такое?!

В этот момент бурый Медвежонок, который жил по соседству с Ёжиком, высунулся из берлоги:

– Что за кошмар?! С-с-снегrrrrr! – прорычал он. – Аа-аа-апчхи!

Ему было неуютно и холодно.

А тем временем Синичка разносила письма и напевала:

– Ра-та-та-та-та-та-та-та-та-та.

Медвежонок решил написать письмо Ёжику. Но сил ему хватило только на одно слово: «Снегrrrrr!». А потом он зевнул: «Аааа...ха!». И уснул крепким-крепким сном.

Ёжик увидел Синичку и выбежал на улицу. Он подумал: может, ему Медвежонок письмо написал.

Прочитав письмо, он удивился: «Вечно Медвежонок рычит и ворчит!». А ведь как красиво вокруг. Как изменилась природа.

Но тут он поскользнулся и покатился кувырком с горки. Встал, за бок держится. И вдруг снежинка, кружась в танце, села ему на нос. Ёжик так забавно свёл в кучку свои маленькие чёрные глазки, чтоб посмотреть на эту красивую снежинку, что Синичка громко рассмеялась. Ёжику тоже стало очень весело.

Вот и наступила настоящая зима, выросли большие сугробы. И все веселились, кроме Медвежонка, ведь он заснул до весны. А вот почему Ёжик не уснул до весны – это вопрос. Наверное, ему так понравилась зима и снегrrrrr. Жалко было тратить время на сон.

Вика ЧЕЧИНА, 9 лет

Семена воображения

Был тёплый летний день. Поэт стоял возле окна и что-то разглядывал.
– Всё не то, не то. Это? Нет, не подходит.

Цветов в саду было мало, только те, которые растут сами.

– Странно, что я ничего не посадил в этом году, – подумал он.

Он стал вспоминать, чем он был занят, но не вспомнил ничего важного.

И вдруг он увидел прекрасную бабочку. Она порхала над травой и радовалась солнечному дню. Поэт не отрываясь смотрел на это чудесное создание, и его мысли тоже закрутились, запорхали. Это включилось воображение. Сад вдруг показался красивым, ярким, полным цветов.

В мгновение поэт застыл, потом побежал к своему письменному столу писать стих.

Когда он снова подошёл к окну, бабочки уже не было. И красивых цветов тоже.

– Наверное, надо завтра пойти в садовый магазин и купить семена воображения, – подумал он.

Осенний Томск

Иду на тренировку.
Осенний Томск. Увы,
Срывается с деревьев
Всё золото листвы.
По жёлтым листьям осень
С шуршанием идёт,
Наряд чудесный сбросив,
Уходит в новый год.

* * *

Осенние сказки,
Деревья все в масках.
И строят мне глазки
Полные ласки.

Нотный альбом

Открытый футляр, уставшая скрипка,
Записи нотные, старый альбом.
Хоть он пожелтевший, хоть очень бледный,
Но долго музыка держится в нём.

На даче

Приехала на дачу я
И стала ахать, охать.
От сладенькой клубники
И вкусного гороха.
От огурцов солёных!
От помидорок красных!
Как вкусно жить на даче,
И ночевать прекрасно!